

Хо Ольга Александровна

Ассистент ФГБОУ ВПО «БГУЭП», Иркутск, Россия (основное); ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», Иркутск, Россия

УДК 811.58

ББК 81.711

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ 酒 'ВИНА' В КИТАЕ

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты культуры вина в Китае. Культура вина в Китае отличается от аналогичных традиций в России и европейских странах. Для понимания данного явления и обеспечения диалога культур целесообразным представляется применение аспектного подхода, который позволяет сравнить различные направления восприятия культуры вина в разных цивилизационных моделях. В частности – это анализ произведений искусства, а также различных идиом и пласта лексики, этимологически связанного с культурой вина.

Ключевые слова: вино; культура вина; китайская культура; ветер и поток; китайская медицина; китайский ритуал; религиозная жизнь Китая; диалог культур

SOME ASPECTS OF CHINESE 酒 'WINE' CULTURE

This article discusses some aspects of wine culture in China. Wine culture in China is different from those traditions in Russia and European countries. To understand this phenomenon and to ensure appropriate dialogue between cultures is the use of the aspect approach, which allows you to compare multiple destinations perception of wine culture in different cultural patterns. In particular – is the analysis of works of art, as well as the formation of various idioms and vocabulary, is etymologically related to the culture of wine.

Key words: wine; culture of wine; Chinese culture; wind and stream; Chinese medicine; Chinese ritual; religious life in China; the dialogue of cultures

В России на разных этапах истории отношение к Китаю колебалось от «братского» до «антикитайского», однако в последние десятилетия растет популярность Китая и китайской культуры. Китайцы активно интересуются западной культурой, в том числе русской. Несмотря на взаимный интерес, культурные различия между нашими странами велики и это существенно затрудняет межнациональные и межкультурные контакты. На уровне архетипов обыденного сознания, в устойчивых выражениях и фразеологизмах в русском языке зафиксировано отчужденное отношение к китайской культуре, например: «китайская грамота», «далеко, как до Китая (пешком)» и др. Китайская культура действительно сложна для понимания. Ее глубокий символизм, специфическая письменность, издавна сложившиеся особенности религиозной жизни [Кобжицкая, 2008] существенно отличаются от принятых в русской культуре. Однако влияние Китая на нашу повседневную жизнь нельзя недооценить. В целях

развития диалога русской и китайской культур и лучшего понимания носителей китайской культуры актуальным представляется анализ повседневности, ее ритуалов и истоков традиций. Иными словами, в данном случае необходим аспектный подход к анализу различных явлений жизни другого народа, основанный на изучении того, как ее понимают сами носители национальной культуры, сравнении различных аспектов восприятия китайской и русской культур вина.

В рамках аспектного подхода анализ культуры вина представляет особый интерес при исследовании образа алкоголя в литературе, религии, бытовой ритуалистике. С одной стороны, представления о вине существуют у всех народов мира. Реализуясь по-разному, они, тем не менее, представлены в мифологии, фольклоре, на уровне культуры быта. С другой стороны, в современном мире существует интернациональное отношение к алкоголю, выработанное в рамках «века разума». Как охарактеризовал современное отношение к вину Х. Ортега-и-Гассет, «вино... является настолько серьезной, подлинно космической проблемой, что наше время, в ряду других эпох, тоже не смогло обойти ее вниманием, пытаясь по-своему решить ее. Она высказалась по проблеме вина, избрав для себя... гигиеническую позицию» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 83]. Являясь культурной универсалией, вино реже, чем можно было бы ожидать, привлекает исследователей, поскольку воспринимается в рамках господствующей мифологии как нечто несущественное, даже табуированное, или рассматривается с отрицательными коннотациями.

Говоря о культуре вина, следует уточнить границы данного термина в русском языке. В узком понимании вино – «это алкогольный напиток, который изготавливается из винограда или других фруктовых плодов» [Толковый словарь русского языка, 2003.]. Более широкое понимание вина представлено в словаре В.И. Даля, в соответствии с этим толкованием вино рассматривается как любая «растительная жидкость, перешедшая третью степень брожения (1. квасное, 2. сахарное, 3. винное, 4. гнилое) и получившая от этого пьяное свойство» [Толковый словарь живого великорусского языка Даля, 2010]. Широкое понимание представлено также в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, где вино рассматривается как «напиток, содержащий алкоголь» [Толковый словарь русского языка, 2000], а в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова приводятся два значения слова вино: «1. Алкогольный напиток (преимущественно виноградный); 2. То же, что водка (прост.)» [Толковый словарь русского языка, 1992]. Здесь интересно второе значение: традиционный для русской культуры крепкий алкогольный напиток имеет название «водка», но в просторечии может быть назван обобщенно-видовым термином «вино». Таким образом, широкое понимание слова «вино», основное для нашего исследования, является нормативным, закрепленным в национальной культуре, являющимся языковой нормой.

Процесс мышления тесно связан с восприятием, возникающими в сознании ассоциациями, следовательно, рассуждая о китайской культуре вина русский человек мыслит в приведенных выше категориях, а также исходит из того образа алкоголя, который представлен в архетипах национальной культуры, в

фольклоре, идиомах, произведениях массовой культуры, а также в значениях однокоренных слов. Носитель языка воспринимает слово через коннотацию, т.е. лексическая единица порождает образы и чувства за счет вызванных им ассоциаций. Коннотации зависят как от религии, так и от традиций конкретного народа, обусловленных географическим положением страны, спецификой исторического развития. По этой причине несколько различается восприятие вина в США и в России, хотя обе страны являются носителями христианского культурного кода, это же детерминирует различное отношение к алкоголю в разных странах исламской культуры.

Вино в Китае связано с ритуалом «ли» (禮) – одной из ключевых категорий китайской философией. «Ли» – это одновременно и этика, и ритуал, многогранное понятие, включающее в себя и обряд, и обычай, и поведенческую норму, и благопристойность [Terekhova, 2008]. Корни отношения к вину в китайской культуре уходят в глубокую древность, к архаическим ритуалам и первобытным обрядам. В трудах Конфуция упоминаются связанные с возлиянием вина ритуалы. Важный смысл в этом контексте приобретают слова учителя «теперь чаши для вина стали иными. Разве это чаши для вина? Разве это чаши для вина?» [Конфуций, 1998, с. 56]. Следует отметить тот факт, что сосуды для вина – это, пожалуй, одна из древнейших разновидностей китайских сосудов, они составляют огромную часть культуры употребления вина. Анализируя эти слова Конфуция, А.А. Маслов объясняет их недовольством «даже мелочью, нарушающей ритуальное единство с духами» [Маслов, 2006, с. 8]. Нарушение ритуала является поистине глобальной проблемой, ведь «ли» – основа существования вселенной, залог ее бытия.

Возлияния вина сопровождали практически все древние ритуалы, что нашло свое отражение в языке и культуре, уже первые иероглифы содержат в своем начертании отсылки к семантике вина [Готлиб, 2006], а специальные сосуды для жертвенных возлияний были обнаружены в древнейших гробницах. Так, А. Маслов отмечает, что «поскольку практически каждый акт традиционной жизни, например рождение, свадьба, похороны, сопровождался соответствующим ритуалом, то его важной частью являлись и обильные возлияния. На “алкогольный” характер указывает и ранний вид многих иероглифов, которые, казалось бы, мало связаны с винопитием. Например, понятие “сопровождать”, “вступить в брак”, “совпадать” раньше обозначало “готовить вино” и зарисовывалось в виде человека, стоящего на коленях и размешивающего что-то в высоком сосуде» (馱, совр. 醞) [Маслов, 2003, с. 224]. Подобные «следы» алкогольной культуры творят архетипическое сознание народа, определяют механизмы бессознательного. Таким образом, социальное значение ритуала стало одним из оснований формирования культуры вина.

Другим источником формирования культуры вина стал даосизм, который в значительной степени «уравновешивал» абсолютную регламентированность бытия, организованного в соответствии с конфуцианским «ли». Согласно этому духовному учению, человеческий дух может достигнуть «Дао» — воплотить в себе первоначальное единство, это высшая цель, к которой следует стремиться. При этом «категория чикунан (“глупое одичание”) является, по терминологии

даосизма, выражением высшего состояния духа» [Соколов-Ремизов, 1991, с. 167]. Иными словами, безумие – это состояние музыки духа, безумием объят человек «Дао», это абсолютная раскрытость его души, слияние с миром, его единение. Только в безумии «Дао» перед человеком раскрывается все величие мира. Опьянение выступает здесь как путь постижения «Дао», как форма высшей гармонии. Это представление о священном безумии стало вторым ключевым основанием китайской культуры вина.

Опьянение как абсолютная форма духовного прозрения с древнейших времен существует в китайской культуре. При этом следует учитывать, что духовность и высшая самореализация человека тесно связаны с искусством. Вино в этом процессе занимает важное место с древнейших времен, от первых известных поэтических текстов. «Взаимосвязь поэзии вина имеет долгую историю, вино и стихи – это два неразрывно связанных элемента китайской культуры, они настолько тесно сплетены друг с другом, что листая главы истории китайской поэзии, чувствуешь аромат вина. Более 3000 лет назад в древнейшем китайском сборнике стихов «Ши цзин» появилась запись о единстве вина и стихов, в ней говорится: «Я налил себе полный стакан вина, напившись, перестал тосковать. Я поднялся на тот высокий холм, лошадь выбилась из сил. Кубок вина я осушил, пока пьян, забуду о скорби» [马美惠, 2013, с. 250]. Здесь мы встречаемся с еще одним важным аспектом понимания вина: это лекарство, способное исцелить душу и тело. Ключевым различием с европейским пониманием целебных свойств вина является значение исцеления тела.

В европейской культуре также существует восприятие вина как лекарства от скорби и, конечно, вино использовалось в медицинских целях с древнейших времен. Вместе с тем отношение к вину, как к лекарству, в европейской культуре либо осуждается, либо носит юмористические коннотации.

Напротив, в китайских народных сказках вино однозначно представлено в качестве лекарства, негативных коннотаций у алкогольных напитков в китайском фольклоре нет. Вино выступает в качестве аналога живой воды в русских сказках. Например, в китайской сказке о «Благодарной тигрице», глядя на смертельно раненное животное, мудрая женщина говорит: «Если кишки повылезли, тут и помереть недолго. Спасти тигрицу можно, только надобно таз с вином принести, плеснуть на кишки вином, а потом тихонечко да легонечко в чрево их вложить» [Китайские народные сказки, 1972, с. 143]. После того, как это было сделано, тигрица действительно поправилась. Еще один тип лекарственной семантики вина можно видеть в сказке «Женщина-лисица», где вино выступает способом спасения молодого человека от волшебной болезни. Эта особенность определила специфическое расширение иероглифов «алкогольной» семантики. Так, в китайском языке все спиртные напитки именуются «цзю» (酒) – это и вино, и водка, и спиртосодержащие настойки. Раньше этим иероглифом обозначались специальные лечебные и галлюциногенные препараты, которые использовали шаманы для вхождения в соматическое состояние и врачевания людей. В названиях конкретных спиртных напитков входит иероглиф «цзю» (酒), а также уточняющий иероглиф.

Таким образом, говоря о китайской культуре вина, следует предполагать коннотации исцеления и священного ритуала, «лишь вином можно избыть печаль. Окропите место винной влагой, и все исчезнет» [Пурпурная яшма, 1980, с. 262] – такой совет дает мудрец измученному призраками правителю. Правитель следует совету, и удовлетворенные духи исчезают. Уже со времен глубокой древности ни одно публичное мероприятие не обходилось без алкоголя.

Окончательное свое оформление ритуал культуры вина получил позднее, в рамках стиля «ФЭН ЛЮ» (风流) – «*Ветер и поток*» (III – V вв. н.э.). Приверженцы этого направления стремились выйти за пределы сложной системы общественных обусловленностей и вино было важной частью этого процесса. Как отмечает Л.Е. Бежин, «их вино источало тонкий аромат свободы от социальных пут и опасностей, которые подстерегали бунтаря в те времена» [Бежин, 1982, с. 135]. В рамках «Ветра и потока» дионисийская экзатика древнего ритуала сменяется эстетическим проживанием действительности. Подлинная сущность древнего ритуала, сменяется осознанным стремлением к эстетическому проживанию этого состояния.

Считается, что движение «Ветра и потока» возникло в качестве стихийного даосского противовеса к абсолютной упорядоченности конфуцианства [Бежин, 1982; Маслов, 2003], однако нельзя сказать, что раннего средневековья подобных традиций не существовало, однако именно в этот период эстетическое наслаждение стихийным опьянением выходит в китайской культуре на первый план.

Л.Е. Бежин полагает, что приверженцы «Ветра и потока» пили, стараясь «утопить в вине свое отчаяние, пессимизм и скорбь» [Бежин, 1982, с. 133], помимо вина широко распространено было употребление одурманивающих порошков. Они «как бы запивали вином поминальную песнь невоплощенным идеалам, с которых почти каждый из них начинал свою жизнь» [Там же. С. 135]. В одном из стихотворений хрестоматийного цикла «За вином» великого китайского поэта Тао Юаньмина, в значительной степени заложившего основы нового поэтического канона, выражено характерное для того периода отношение к вину:

Скоро тысячелетье,
как заброшен путь правды, дао:
Люди, люди обычно
слишком любят свои заботы.
Вот вино перед ними,
им его не хочется выпить:
Привлекает их только
в человеческом мире слава... [Тао Юаньмин. Режим доступа:
<http://www.garden.hobby.ru/v4/china/tao07>].

Ускользящий смысл древних ритуалов реализуется здесь через метафорику вина. В этом направлении происходило дальнейшее восприятие образа алкоголя. Позднее Ли Бо в стихотворении, посвященном Мэн Хаожаню великому поэту стиля «Ветер и поток», который отказался «от карьеры и богатства ради

вина и отшельничества» [Ли Бо, 2005, с. 34], равно как и Тао Юаньмин. Ли Бо пишет:

Был опьянен божественной луной,
Беспечными цветами покорен.
Склоняюсь пред душевной чистотой,
Высоким пиком видится мне он [Ли Бо, 2005, с. 36].

Ссылаясь на творчество Ли Бо, продолжателя и ценителя традиций «Ветра и потока», стоит отметить, что «девять из десяти стихов Ли Бо о женщинах и о вине, среди них большую часть составляют стихи о вине, о женщинах же стихов гораздо меньше» [马美惠, 2013, с. 215]. Вино – такая же неотъемлемая часть мира, как дождь или рисовые поля и, одновременно, это образ пути познания высшей истины: «Я знаю мудрость, что несет вино, оно в безбрежность душу раскрывает» [Ли Бо, 2005, с. 42], – писал Ли Бо. Эта мудрость – воплощенная гармония, толкователи этих строк отмечают, что «душистое зелье, в котором покачиваются желтые лепестки осенних хризантем, среди умиротворяющей и чистой природы – это ритуал. Они неотделимы друг от друга, оба даруют свободу и возвращают к естественности утраченной цивилизованным человеком чистой изначальности. И потому в пейзажной лирике возлияние – не кутеж, а духовное очищение» [Ли Бо, 2005, с. 89]. Это способ обретения абсолютной гармонии. Подобное восприятие вина встречается у некоторых арабских поэтов, среди них наиболее известны рубаи Омара Хайяма.

Образ вина в Китае был распространен повсеместно. Можно выделить наиболее знаковые имена в китайском искусстве, связанные так или иначе с семиотикой вина, но, в отличие от арабского востока, этими знаковыми именами нельзя ограничиться – явление было повсеместным. А.А. Маслов, комментируя специфику поэтического восприятия вина, отмечает, что «творчество великих поэтов Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи ассоциируется с винопитием как моментом творческого толчка, а знаменитый Ли Бо, по преданию, утонул, “ловя луну в воде”. Но сам исток этой культуры и даже переживание, обычно именуемое жу шэнь – “вхождение в соприкосновение с духами”, берет свое начало в древнем “спаивании духов”» [Маслов, 2003, с. 225]. Соколов-Ремизов также отмечает, что «тема вина, экстаза, безумия занимает особое место в дальневосточной эстетике средневековья... С поэзией вина связывается определенный тип поэта-художника, обладающего своеобразным вдохновением особого рода и создающим произведения особого склада. (К ним принадлежали, например, знаменитые «Шесть воспаривших у ручья в бамбуковой роще» во главе с Ли Бо). С образом такого художника и такого творчества неразрывно связаны и такие понятия, как безумное, вдохновенное, дикое, парящее» [Соколов-Ремизов, 1991, с. 176]. Таким образом, вино становится не неотъемлемой частью поэтического искусства, то его важным компонентом на семиотическом уровне.

Со времен «Ветра и потока» вино становится важной частью культурной жизни, в этот период формируются общепринятые ритуалы его употребления. В частности, без обильных возлияний немислимы «чистые беседы» (清谈 *цин тань*), традиция которых распространилась среди интеллигенции. «Чистые бе-

седы» – это своеобразный диалог душ, когда люди общаются на определенные темы, проникая в процессе общения в суть мироздания. Постепенно формировался ритуал проведения таких бесед, регламентировался список характерных тем и собственно структура диалога, включавшая в себя занятие каллиграфией, поэтические турниры, настольные игры [Соколов-Ремизов, 1991]. Так происходило рождение особого ритуала культуры вина (酒文化 цзю вэньхуа), в который, в частности, входили так называемые «винные приказы» как «разновидность литературных игр, выполнявших своеобразную идеологическую функцию и способствовавших созданию атмосферы состязаний, функционированию культа знаний и интеллектуальных способностей» [Войтишек, 2010, с. 14]. Это исконно китайское развлечение распространилось позднее по всей юго-восточной Азии.

Подобная сакрализация алкоголя заставляет предположить актуальность проблемы пьянства в китайской культуре, однако единого мнения по данному вопросу нет. В традиционных духовных учениях Китая запрет на алкоголь отсутствует. Даже конфуцианство с его строжайшим регламентом всех аспектов человеческого бытия, приводя пример добродетельной жизни, говорит о святом отшельнике, что он «только в вине не ограничивал себя, но не пил допьяна» [Конфуций, 1998, с. 78]. Конфуцианский принцип «золотой середины» можно считать сдерживающим фактором, однако какие-либо сдерживающие факторы не просто отсутствуют в даосизме, именно даосизм стал основой представления о сотериологическом значении опьянения. При этом негативное отношение к алкоголю (прямой запрет) существует в рамках буддизма, который со времени начала нашей эры широко распространен в Китае.

Относительно проблемы пьянства в китайской культуре существуют различные мнения. Н.Я. Бичурин, первый отечественный китаевед, получивший мировое признание, в своей работе «Китай в гражданском и нравственном состоянии» отмечал, что «в Китае пьют и вино, и водку, и ликеры, но нет пьянства, а посему нет и законов по сей части» [Бичурин, 2002, с. 95]. При этом отдельные исследователи полагают, что пьянство было актуальной проблемой для китайской культуры. Таким образом, вопрос о норме и девиации в китайской культуре вина (как ее исторических форм, так и современной) остается открытым. В силу такой неоднозначности дальнейшее исследование китайской культуры вина должно включать в себя многоаспектный анализ явлений языка и культуры, прямо или косвенно связанных с употреблением алкоголя. Отсутствие в традиционных духовных учениях Китая западного дуализма вообще и в отношении к вину в частности детерминировало огромное отличие китайской культуры вина от европейской или даже индийской. Различия в ключевых архетипических основаниях восприятия алкоголя, а также различные представления о культуре застолья существенно затрудняют культурный диалог между Россией и Китаем.

Библиографический список:

1. *Бежин*, Л.Е. Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае в III-VI вв. [Текст] / Л.Е. Бежин. – М.: Наука, 1982. – 221 с.
2. *Бичурин*, Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии [Текст] / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2002. – 423 с.
3. *Войтишек*, Е.Э. Игровые традиции в духовной культуре Японии [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Е.Э. Войтишек. – Новосибирск, 2010. – 350 с.
4. *Готлиб*, О.М. Основы грамматики китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
5. Китайские народные сказки [Текст] / пер. с кит. Б. Рифтина. – М.: Худ. лит., 1972. – 403 с.
6. *Кобжицкая*, О.Г. Культ предков в традиционной китайской культуре [Текст] / О.Г. Кобжицкая // Язык и культура стран Центральной и Восточной Азии. Материалы региональной научно-практической конференции студентов, преподавателей с международным участием. – Иркутск: ИрГТУ, 2008. – С. 49-52.
7. *Ли Бо* Пейзаж души: Поэзия гор и вод [Текст] / Ли Бо; пер. с кит.; ком. С.А. Торопцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 315 с.
8. *Маслов*, А.А. Я ничего не скрываю от вас [Текст] / А.А. Маслов // Конфуций. Суждения и беседы. – М.: Мир книги, 2006. – С. 3-15.
9. *Маслов*, А.А. Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз [Текст] / А.А. Маслов. – М.: Алетея, 2003. – 256 с.
10. *Ортега-и-Гассет*, Х. Три картины о вине [Текст] / Х. Ортега и Гассет // Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега и Гассет. – М.: Искусство, 1991. – С. 97-165.
11. Пурпурная яшма [Текст]: Китайская повествовательная проза I-VI веков / пер. с кит.; сост., ком. Б. Рифтина. – М.: Худ. лит., 1980. – 365 с.
12. *Соколов-Ремизов*, С.Н. «Куанцао» – ‘Дикая скоропись’ Чжан Сюя [Текст] / С.Н. Соколов-Ремизов // Сад одного цветка. – М., 1991. – С. 167-196.
13. *Тао Юань-Мин* За вином [Электронный ресурс] / Тао Юань-Мин. – Режим доступа: <http://www.garden.hobby.ru/v4/china/tao07> (дата обращения: 30.01.2014).
14. *Толковый словарь живого великорусского языка Даля* [Электронный ресурс]. – М.: Эксмо, 2010. – 896 с. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/214978> (дата обращения: 30.01.2014).
15. *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1582 с. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/412/%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 30.01.2014).
16. *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М.: Азъ, 1992. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/23746> (дата обращения: 30.01.2014).

17. *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, АСТ, 2000. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/758894> (дата обращения : 30.01.2014).

18. *Terekhova, N.V. Confucian Ritual (Li) in American System of Social Relations* [Text] / N.V. Terekhova // *Oriental languages and cultures*. – Cambridge Scholars Publishing, UK, 2008. – P. 51-53.

19. *马美惠 今朝放歌须纵酒 – 就文化卷* [文本] / 马美惠. – 北京: 北京工业出版社, 2013 版年. – 374 页.

Яковлева Анна Сергеевна

Ведущий специалист-переводчик ОАО «Сибэкспоцентр», Иркутск, Россия

Магистрант ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», Иркутск, Россия

УДК 811.58

ББК 81.711

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КНР В СФЕРЕ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА

В статье рассмотрены основные особенности законодательства КНР в сфере въездного туризма на основе документа, регулирующего въездную туристскую деятельность в КНР «Постановление о туристских агентствах». Проведен анализ данного официального документа, выявлены основные черты туристского въездного законодательства.

Ключевые слова: въездной туризм; КНР; «Постановление о туристских агентствах»; законодательство; турагентство; туристская деятельность

ABOUT SOME FEATURES OF THE LAWS OF THE PRC IN THE FIELD OF INBOUND TOURISM

The article considers the main features of the legislation in the field of Chinese inbound tourism based on “Resolution of tourist agencies”, the document regulating inbound tourism activities in the People's Republic of China. The analysis of this official document identified the main features of inbound tourism legislation.

Key words: People's Republic of China; inbound tourism; «Resolution of tourist agencies» legislation; travel agency; tourist activity

Въездной туризм на сегодняшний день является важным сектором в современной экономике КНР, так как создает дополнительную сферу занятости, способствует развитию инфраструктуры, обеспечивает финансовые поступления в бюджет страны и повышает уровень жизни населения, что свидетельствует об эффективности современной культуры госуправления Китая [Кремнев, 2008], в том числе в сфере развития туристической сферы. В связи с этим, изучение законодательной базы, обеспечивающей регулирование и стабильное функционирование данной отрасли в КНР, приобретает особую значимость. Изучение китайского законодательства в сфере въездного туризма в данный момент становится актуальным, поскольку помогает выявить дальнейшие